

ДИСКУССИЯ

УДК 930.23

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В XXI ВЕКЕ¹

Д.В. Васильев

(Астраханский государственный университет)

В.А. Иванов

*(Башкирский государственный педагогический
университет им. М.Акмиллы)*

В статье рассматриваются три концепции оценки места и роли Золотой Орды в истории народов Восточной Европы, данные в трех фундаментальных исследованиях последних лет: «История татар с древнейших времен. Т.Ш. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–XV в.», монография Ю.А. Зеленева «Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв.» и «История башкирского народа в семи томах. Том II». Сравнивая их между собой, авторы статьи приходят к выводу о том, что, если концепции авторов 3-го тома «Истории татар» и Ю.А. Зеленева являются конструктивными и открывают возможности для научной дискуссии, то концепция авторов 2-го тома «Истории башкирского народа» не выходит за рамки банальной «фолк-истории».

Ключевые слова: историография, Золотая Орда, Улус Джучи, этнокультурная история, кыпчаки, ислам, кочевники.

Изучать историографию Золотой Орды – занятие чрезвычайно увлекательное и поучительное. Во-первых, на ее примере мы можем наглядно проследить результаты деидеологизации исторической и археологической науки за последние почти четверть века. Во-вторых, она же совершенно отчетливо высветила все достоинства и изъяны развития отечественного источниковедения и истории (включая и археологию) в условиях полной свободы мнений, оценок и интерпретаций.

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014–2016 гг.). Тема НИР: «Кочевники Золотой Орды XIII–XV вв. и казачество Урала XVI–XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

За 300 лет своего существования историография Золотой Орды прошла путь от нравственно-религиозных оценочных парадигм, через партийно-идеологические к объективистским. Последние а priori ассоциируются с концом 20-го и началом 21-го веков, и мы это воспринимаем, в общем-то, как данность. Насколько предложенная схема реалистична, можно наглядно проследить по «золотоордынovedческим» исследованиям, увидевшим свет в течение первого десятилетия текущего столетия. Заинтересованного читателя предупредим о том, что ниже речь пойдет об исследованиях обобщающего характера, авторы которых, опираясь на результаты новейших источниковедческих (включая, естественно, и археологические) изысканий, излагают свое видение хода золотоордынской истории.

По своему характеру исследования последних лет делятся на несколько групп, различающиеся между собой по предмету исследования (объектом которых, обобщая, является история Золотой Орды). Первую составляют труды, посвященные общим вопросам истории и археологии Золотой Орды [16; 7; 17; 22]. Вторую – ставшему в последние годы особо популярным изучению золотоордынских городов [2; 8; 21; 9]. Третья группа – исследования региональной направленности, освещающие влияние Золотой Орды на ход этнической, этнополитической и социальной истории отдельных территорий Волго-Уралья [15; 6; 1]. Особую группу «золотоордынovedческих» работ, становящихся популярными в регионе, составляют исследования-персоналии и исследования по политической истории Золотой Орды [27; 20; 10]. Все они позиционируются как научно-популярные.

Целью нашей работы является не рецензирование каждого из означенных исследований (хотя, конечно, какие-то элементы этого жанра в ней будут присутствовать). Нас в данном случае интересует вопрос: насколько современная отечественная историография, располагающая обширной источниковой базой и а priori свободная от идеологически обусловленных оценочных парадигм, приблизилась к объективной оценке роли и места Золотой Орды (Улуса Джучи) в истории народов Восточной Европы и России в частности? Из этого вопроса сам собой возникает следующий вопрос: каким видят это государство современные исследователи?

В поисках ответа на него читатель сразу же обратится к тому III «Истории татар» – самому фундаментальному на сегодняшний день коллективному труду по истории Золотой Орды. С его страниц перед ним откроется панорама цветущего городского государства – этаким степной «Gardarica» – застроенного многочисленными городами, в которых пышным цветом процветали ремесла, торговля, религиозная культура, искусства и образование. В эту панораму органично вписываются исследования В.Г. Блохина, Л.В. Яворской, Ю.А. Зеленева, С.А. Курочкиной, Л.Ф. Недашковского, Э.Д. Зиливинской. Есть

ли смысл и возможность подвергать эту панораму сомнению и критике? Разумеется – нет. Процесс восприятия Золотой Орды как развитого урбанистического государства, заложенный в свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым и В.Л. Егоровым, сейчас уже не может быть обратимым. Но может ли она, эта историческая панорама, считаться всеобъемлющей? Тоже – нет. Ибо за пределами исследуемых и детально описываемых золотоордынских городов простиралась громадная Золотая Орда кочевой Степи, на сегодняшний день остающаяся также «за пределами» фундаментальных обобщающих исследований по истории этого государства.

В более обширном контексте освещает этнокультурную историю золотоордынского города и окружающей его кочевой степи освещает в своей монографии «Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв.» Ю.В. Зеленева [7], рассматривая их через призму принадлежности этих явлений к единой государственной, военно-политической, конфессиональной системе Улуса Джучи. Вот здесь мы позволим себе высказаться по поводу глав указанной монографии, в которых излагается этнокультурная история Золотой Орды во всем ее многообразии. Это – 2-я и 3-я главы монографии, соответственно названные «Этнокультурная характеристика золотоордынского города» и «Этнокультурные особенности кочевого населения золотоордынского Поволжья». Первая из обозначенных глав представляет собой развернутое, обстоятельное изложение основных этапов и содержания процесса формирования синкретичной городской культуры Золотой Орды. Детально рассматривая основные компоненты археологической культуры золотоордынских городов, Ю.В. Зеленева убедительно и вполне обоснованно раскрывает «процесс формирования единого комплекса, культуры ордынского города», что автор связывает «с этнической консолидацией, которая в нем происходит, влияя на этнокультурные процессы во всем государстве». И далее: «налицо процесс формирования единой государственной культуры (читай – имперской культуры), который под мощным воздействием государственной политики деспотического государства охватывает первоначально городские центры, а затем и периферию, сначала оседлую, а затем и более консервативную – степную» [7, с. 127 и сл.].

На последних тезисах хотелось бы остановиться подробнее. Прежде всего, требует более детального обоснования утверждение автора о том, «что большую часть населения городов Золотой Орды составляли кипчаки. Они составляли большинство степного населения и, в конечном счете, стали становым этносом, вокруг которого консолидируются другие этносы этого государства» [7, с. 123]. Вторая часть приведенного тезиса – кипчаки составляли большинство степного населения Золотой Орды – едва ли может быть подвергнута сомнению. Но относительно преобладания кипчаков среди городского населения этого государства – здесь, на наш взгляд, присутствует

некоторая гиперболизация. Третья стадия кочевания (по С.А. Плетневой), которая сопровождается оседанием кочевников и образованием у них стационарных поселений, хотя теоретически и возможна, но археологически, на материалах Поволжья, не подтверждается. Описанные Ю.А. Зеленевым материалы Самосдельского городища – единственного в Нижнем Поволжье поселения городского типа домонгольского периода – не свидетельствуют о том, что в это время кочевое население региона переходило к оседлости. А в описаниях археологически фиксируемых компонентов городской культуры Золотой Орды собственно кыпчакский компонент оказывается абсолютно не выписанным. Разве что упоминания о юртообразных жилищах. Но этого явно недостаточно. То есть, кыпчакская доминанта в этническом составе золотоордынских городов в изложении автора выглядит не более чем дань традиционной парадигме: коль скоро кыпчаки составляли большинство населения Золотой Орды, следовательно, они и являлись основным этническим компонентом золотоордынских городов.

Содержание второй из рассматриваемых глав монографии не лишено некоторой противоречивости. Отнюдь не соответствует археологическим данным утверждение автора о том, что «ко времени монгольского нашествия степная зона Поволжья была прочно заселена тюрко-язычными половецкими племенами». Памятников этого периода в регионе известно всего лишь чуть больше 40. Поэтому, Ю.А. Зеленева гораздо более прав, когда ниже констатирует, «что территория Нижнего Поволжья в XII – начале XIII века была слабо-заселенной» [7, с. 130 и сл.]. Соответственно, этнокультурная карта степного Поволжья XIII–XIV вв. сложилась вследствие этнополитических коллизий монгольского нашествия на Восточную Европу и образования Золотой Орды. Отсюда вытекает и логика выводов автора по рассматриваемой главе. Полиэтничность кочевого населения? Безусловно – об этом свидетельствуют приводимые автором данные археологии золотоордынских кочевников Урало-Поволжья. Правда, здесь хотелось бы видеть более четкие признаки, свидетельствующие, по мнению автора, об этнокультурной пестроте именно поволжского кочевого населения. Нам, например, представляется, что в этническом отношении именно оно было достаточно однородным, кыпчакско-половецким. Да и сам Ю.А. Зеленева постоянно подчеркивает решающую роль кыпчаков в формировании этнического облика золотоордынских городов.

Влияние города на формирование материальной культуры кочевников Золотой Орды? Тоже вряд ли есть смысл с этим спорить, поскольку, как это опять-таки хорошо показано в монографии Ю.А. Зеленева, следов собственного ремесленного производства у кочевников региона мы до сих пор не находим.

Процесс частичной седентеризации у кочевников? Он, безусловно, имел место, и автор совершенно прав, говоря о том, что на имеющемся в нашем распоряжении материале масштабы этого процесса не прослеживаются.

Единственное, с чем можно поспорить, это неоднократно повторяемый автором тезис о формировании в Золотой Орде единой государственной (имперской) культуры. Один из авторов этих строк уже имел возможность изложить свое видение этой проблемы [14, с. 190–212; 13, с. 179–188]. Здесь уместно будет напомнить о том, что авторы этих строк поддерживают тезис Ю.А. Зеленева о золотоордынской культуре как культуре городов. Культуре, практически не затронувшей кочевую степь Золотой Орды. Приводимые автором монографии факты местонахождений гончарной керамики в степных окрестностях золотоордынских городов относятся только к собственно приволжским территориям и в глубинных районах Волго-Уральской степи отсутствуют.

Культура кочевников – она сама по себе, в силу своего невысокого потенциала материального и духовного воздействия на городское население, не может трактоваться как общегосударственная (имперская). То есть, хотим мы того или нет, но в дальнейших исследованиях нам целесообразней было бы развивать тезис Г.А. Федорова-Давыдова о дуалистическом характере золотоордынской культуры в целом. И здесь, конечно же, речь должна идти не о противопоставлении города и кочевой округи (вряд ли степи современного Оренбуржья или современного Западного Казахстана, в XIII–XIV вв. заселенные кочевниками, можно считать округой золотоордынских городов), о чем неоднократно предупреждает Ю.А. Зеленева, а об этнокультурном и просто культурном синкретизме Золотой Орды как государства. Синкретизме, который вначале обеспечивал военнополитическую мощь этого государства перед лицом внешнего мира, а затем, по мере усиления центростремительных тенденций в высших эшелонах золотоордынской власти, пришел в противоречие с ментальностью основного (кочевого) населения Золотой Орды и взорвал ее изнутри. И немалую роль в этом процессе сыграли города с их культурным и религиозным укладами.

Заключительная глава монографии Ю.А. Зеленева «Этнокультурная история оседлого населения Поволжья в XIII–XV вв.» представляет особый интерес, поскольку фактически посвящена проблеме Золотой Орды как ареалообразующего фактора для народов сопредельных с ней территорий. Здесь мы так же полностью разделяем вывод автора, построенный на результатах обширной и развернутой характеристики этнокультурных процессов у финно-угорских народов Среднего Поволжья и Прикамья – мордвы, мари, удмуртов – о том, что для них «события первой половины XIII в. означали, прежде всего, не вхождение в состав нового мощного государства Джучидов,

а усиление политического и культурного влияния, исходившего со стороны русских княжеств» [7, с. 198].

К аналогичному выводу о том, что культура Золотой Орды в ее материальном (а, следовательно – в археологически фиксируемом) выражении имела четко обозначенные границы и за территориальные границы Джучиева Улуса практически не распространялась, один из авторов этих строк пришел независимо и параллельно с исследованиями Ю.А. Зеленева [13, с. 179–188]. Так что современным и будущим исследователям истории и культуры Золотой Орды это обстоятельство – совпадение двух независимых мнений по одному и тому же вопросу – очевидно, не следует «сбрасывать со счетов».

Если рассмотренные выше исследования дают пищу для размышления, дают повод и желание дискутировать, то вышедший в 2012 году в издательстве «Гилем» (г. Уфа) второй том монументального издания «История Башкирского народа», значительную часть текста которого посвящено Золотой Орде в контексте ее влияния на историю башкирского народа, выглядит каким-то анахронизмом переходного периода от советской к современной историографии Золотой Орды. У всех еще свежо в памяти появление в «нулевые» годы пресловутой «фольк-истории», получившей соответствующую негативную оценку в академической науке [29, с. 3–9; 18, с. 9–15; 3, с. 16–24]. Издание было подготовлено совместно Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН и Академией наук Республики Башкортостан под эгидой Правительства Республики. Оно, в целом, состоит из семи томов, которые вышли в течение 2009–2013 гг.; однако в данном случае нас интересует именно второй том, поскольку именно в нем содержатся сведения, прямо касающиеся места и роли Золотой Орды в истории башкирского народа эпохи средневековья. Это разделы «Башкортостан в составе Золотой Орды» (авторы Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович) и «Распространение ислама среди башкир» (автор Г.Н. Гарустович).

В качестве общей характеристики материалов данного тома хочется отметить две его основные черты – скороспелость и археологическую необоснованность. Отметим вскользь, что текст тома готовился к изданию явно в спешке – он плохо вычитан и стилистически не выдержан. Он изобилует многочисленными ошибками и опечатками, которые подчас искажают смысл до неузнаваемости. Чего стоят такие описки или опечатки, как «погребения в колодцах» вместо «в колодах», «...упоминание Планом Карпини о походе...», неуклюжие выражения вроде «...земли западных башкир оказались под зависимостью Волжской Болгарии», «...город Болгар тогда состоял из деревянных досок» и т.п. [15, с. 125, 175–177]. Встречаются в тексте и откровенные неточности. Например, авторы раздела пишут о том, что мавзоль Чингизхана возведен в Пекине [7, с. 172], хотя извест-

но, что этот грандиозный памятник сооружен в автономном районе Внутренняя Монголия, у города Ордос (бывш. Дуншэн).

Основная идея авторов раздела – особый статус Башкирии в составе Монгольской империи: «...вхождение башкир в империю Чингисхана в начале XIII в. носило, в целом, договорный характер и им было разрешено иметь свое государственное управление во главе со своим ханом» [15, с. 173]. В своем стремлении во что бы то ни стало доказать этот особый статус Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович попутно совершают удивительные «открытия», не посвящая, правда, читателя в их источниковую базу.

Так, многолетними и многочисленными исследованиями государственного устройства Монгольской империи установлено, что отношение монголов к завоеванным и добровольно покорившимся территориям, во главе управления которыми стояли местные династии, было универсальным. Практика использования ресурсов местной аристократии для нужд управления отдельными территориями империи широко применялась монголами и в Азии, и в Европе. Представители местной знати, путём участия в курултаях, а также соблюдения общеимперских ритуалов и обрядов, включались в состав элиты Монгольской империи. Они, своей службой, имуществом, а подчас и жизнью, отвечали перед Великим кааном и правителями улусов за порядок и законность во вверенных землях [28, с. 7; 22, с. 67–73].

Попытка придать башкирским землям какой-то особый статус в данном контексте вызывает только недоумение и может быть воспринята как неуклюжее искусственное возвеличивание роли, которую якобы играла Башкирия в составе Золотой Орды. Эта идея авторов побуждает их идти и на явное искажение выводов своих предшественников. Так, в подтверждение своего утверждения о том, что «во вновь включенных землях, приобретенных силой, татаро-монголы никогда не оставляли местных правителей (ханы, князья): их либо казнили, либо отправляли в качестве пленников в Орду» [15, с. 173]; они привлекают мнение Г.А. Фёдорова-Давыдова. Хотя именно на той странице, на которую ссылаются Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович, исследователь пишет о том, что и на Руси, и в мордовских землях, и на Кавказе, и в Иране местная феодальная аристократия служила «промежуточным звеном» между населением и монголами. «Известен башкирский «государь», также находящийся под властью монголов», – пишет Г.А. Фёдоров-Давыдов [24, с. 26–27]. Лишение власти половецких ханов и уничтожение половецкой элиты констатируется лишь для степных улусов Золотой Орды. Г.А. Фёдоров-Давыдов объясняет это тем, что территория обитания половцев превратилась в центральные области Улуса Джучи, перешедшие под непосредственное управление монголов. Таким образом, на башкирские земли исследователь распространял политические реалии, характерные для золотоордынской периферии. Мнение авторов о том, что нет «...никакого сомнения в

том, что на территории Башкортостана в период Золотой Орды сохранялись, как в предшествующие века, местные государственные образования во главе с биями» [15, с. 183], следует считать ничем не обоснованным и не аргументированным. «Местные государственные образования» в контексте Монгольской империи, а затем и Золотой Орды были сnivelированы, подверглись жесточайшему внешнему влиянию и переработке под воздействием новой политической системы «империи прямого налогообложения», а также под воздействием миграционных процессов внутри нового государства (переселения степных кочевников на территорию Башкирии и миграцию собственно башкир в северном направлении), о которых сами же авторы и пишут в своей работе [15, с. 178–179].

Далее авторы раздела, для иллюстрации обстоятельств вхождения Башкирии в состав империи монголов, привлекают такой интересный и многоплановый источник, как шежере (родословие), правда, используя его без какой бы то ни было источниковедческой критики. На необходимость последней еще тридцать лет тому назад указывал Г.Б. Хусаинов – ныне академик АН РБ – сравнивавший шежере не столько с летописью или генеалогией, сколько с историческую повестью [26, с. 5]. Об информативности и достоверности шежере можно спорить, однако лишь после проведения подробного анализа каждого подобного исторического свидетельства. А достоверность их можно проиллюстрировать даже примером, который приводят сами авторы – в исторической легенде «Биксура» хан Батый погибает от ран, полученных в сражении с башкирами и булгарами [15, с. 177].

В данном же случае, речь идёт о шежере усерганских башкир, в котором говорится о том, что башкирский Муйтен-бий отправился к Чингизхану, покорился ему со всеми своими владениями, за что был обласкан Чингизханом, возвышен, поставлен правителем всех башкирских земель. Авторы приводят несколько вариантов этого шежере, которые дополняют друг друга. Далее, по логике исторического исследования, должен следовать источниковедческий анализ шежере. Но нет! Авторы прямо принимают на веру сведения этого источника и накладывают события на хронологию монгольских завоеваний, утверждая, что Муйтен-бий встречался с Чингизханом «летом 1219 года» [15, с. 175]. Такое событие, разумеется, могло иметь место, и даже, скорее всего, имело, поскольку только личное прибытие племенного вождя к правителю монгольского государства являлось выражением полного и искреннего подчинения. Однако степень достоверности этого события неизвестна. В роли Муйтен-бия мог оказаться другой предводитель башкир, это событие могло произойти и позже 1219 года. Кроме того, оно могло происходить неоднократно. Муйтен-бий трактуется авторами как выдающаяся личность, «его заслугой перед историей народа является предотвращение разруши-

тельных походов татаро-монголов на Южный Урал, что явилось результатом его деятельности как дипломата» [15, с. 180].

Также некритично авторы воспринимают и список предков и потомков Муйтен-бия, высчитывая период, когда могло произойти это событие; при этом их не смущает, что родословие Муйтен-бия весьма напоминает родословие, скажем, основателя Ногайской Орды эмира Идегея (Эдиге) – среди его предков также мы найдём и Баба-Тукляса, и эмира Кутлукья.

Буквальное понимание источника авторами мы встречаем и в следующем отрывке: «Батый хан, как основатель Золотой Орды, вполне понимал внутреннюю непрочность государства, поэтому старался выглядеть перед своими покоренными подданными в роли демократа-миротворца. Этим можно объяснить его поведение перед битвой с мадьярами в 1241 г. на Дунае, когда он распорядился мусульманам собраться и помолиться, а сам, будучи язычником, всю ночь выл волком» [15, с. 185]. Странно было бы, если бы действительно Бату всю ночь выл волком! Как и то, что двигало им желание выглядеть демократом-миротворцем. Подобное прочтение источника ещё простительно студенту первого курса, но для опытных историков является, мягко говоря, профанацией.

Приводя сведения шежере в качестве свидетельства добровольного вхождения Башкирии в состав Монгольской империи «на договорных началах» ещё в 1219 году, авторы, тем не менее, не забыли написать также и о героическом сопротивлении башкир монгольским войскам совместно с кыпчаками, саксинами, волжскими болгарами в 1223, 1229, 1232 и 1236 гг. [15, с. 175–176]. Более того, в 2011 и 2012 гг. один из авторов раздела – Г.Н. Гарустович – опубликовал две тематически связанные статьи, в которых обстоятельно осветил этапы монгольского завоевания Волго-Уральского региона и Башкирии в частности. Опираясь, в основном, данными письменных источников (пресловутая «Тарихы» Гази-Бараджа там занимает отнюдь не последнее место), автор вполне убедительно показывает, что, во-первых, завоевание монголами Южного Урала было явлением не одномоментным, а растянутым во времени. Во-вторых, что окончательное покорение Башкирии произошло только в 1236 г. и то, не без происков того же Гази-Бараджа [5, с. 55–62; 4, с. 39–46].

То ли Г.Н. Гарустович за год пересмотрел свои взгляды на проблему, то ли его соавтор проигнорировал их «в свою пользу», то ли редакторы тома решили все свести к общему, более импонирующему им «знаменателю» – «тайна сия велика есть». Как бы то ни было, историки-профессионалы и, тем более, в лице рассматриваемого тома и упомянутых выше статей имеют два взаимоисключающих взгляда на одну и ту же проблему.

Слабо аргументированным выглядит утверждение авторов о том, что «... основная часть населения разгромленного кыпчакского госу-

дарства Бошмана бежала на Урал, в страну башкир, и потомки этих беженцев сохранили свое этническое самосознание в своем этнониме как бошман-кыпчаки». [15, с. 177]. Во-первых, почему половецкого хана Бачмана авторы именуют Бошманом, а во-вторых, из чего следует, что он был главой государства, а не племени или союза племён? И откуда взялись сведения о миграции остатков разгромленного войска Бачман именно на Южный Урал? Ответа на эти вопросы, равно как и ссылок на источники информации, в тексте мы не находим.

Далее читаем следующий, довольно наивно выглядящий пассаж: «Все историки мира сходятся во мнении о том, что смерть Угедая послужила поводом для приостановления наступательных операций на западе: армия, несмотря на достигнутые успехи, в ходе семилетних кровопролитных боев была сильно потрепана и нуждалась в серьезном отдыхе» [15, с. 177]. Читатель волен представить себе «всех историков мира», которые не имеют других забот, как обсуждать причины приостановки западного похода монголов. Собственно, не потрепанность и усталость войск стала причиной свёртывания монгольского натиска. Смерть Великого каана дважды приостанавливала наступательные действия монголов – в Европе после смерти хана Угедая и в Сирии и Египте после смерти хана Мункэ в связи с тем, что улусные правители должны были собраться на курултай для решения вопроса о престолонаследии.

Примером грамотного и полновесного источниковедческого анализа является проработка в разделе списка башкирских биев, упомянутых в рукописи «Башкирская история» [15, с. 181–182] и этнической истории различных родов и племён башкир по данным шежере [15, с. 182–183]. «Единственным недостатком» этой части рассматриваемой работы является то, что авторы оперируют несуществующим, как выяснилось, источником [19]. А что касается шежере как исторического источника, то еще 30 лет тому назад Г.Б. Хусаинов² писал об их относительной историчности и характеризовал их, в большей степени, как исторические повести [26, с. 5].

Существенным недостатком этой части истории Башкирии в составе Золотой Орды является полное отсутствие анализа материальной культуры населения Башкортостана на основе археологических источников. Об этом стоит сказать подробнее. Освещение авторами (оба – археологи-профессионалы) археологической составляющей истории и культуры населения Южного Урала и Приуралья в эпоху Золотой Орды, в свете имеющегося сейчас материала и многочисленных публикаций, в которых этот материал анализируется, выглядит совершенным анахронизмом. В тексте соответствующего раздела – «Башкортостан в составе Золотой Орды» – авторы демонстрируют:

² Ныне академик АН Республики Башкортостан.

- абсолютное незнание ни современной статистики, ни типологии, ни географии типов погребений кочевников периода Золотой Орды в Урало-Поволжском регионе;

- оперируют материалами 40-летней давности (I и II Жанаталапские, Каменно-Озерный, Россыпинский, Башкир-Беркутовский курганы, исследованные Н.А. Мажитовым в середине 1970-х годов), причем, только в той их трактовке, которая была в свое время предложена самим исследователем. Речь идет о пресловутых «двойных гробах», якобы встречающихся «очень часто». Заметим, что из 578 языческих погребений кочевников XIII–XIV вв., учтенных сейчас в степях Урало-Поволжья, «двойные гробы» были найдены только Н.А. Мажитовым и только в Россыпинском, Каменно-Озерновском и Жанаталапских курганах, материал которых до сих пор не опубликован;

- беззастенчиво искажают (если не сказать более – фальсифицируют) то, что, казалось бы, исказить просто невозможно: археологические данные, уже опубликованные другими исследователями. Здесь необходима цитата: «Было **точно установлено** (выделено нами – *авт.*), что в одном кургане (Тлявгулово, курган 2) над могилой был построен бревенчатый сруб размером 2,7х2,3 м; он был подожжен, а затем над ними была сложена насыпь из земли и камня» [15, с. 186]. И это при том, что одним из авторов этих строк (он же – исследователь Тлявгуловских курганов) материал этого памятника был опубликован и там, в соответствии с реальными данными, сказано: «При разборке насыпи, на глубине 0,15 м от современной поверхности, найдены остатки обуглившихся жердей, диаметром 10–12 см, уложенных прямоугольником, 2,7х2,3 м, длинными сторонами ориентированных по линии СЗ-ЮВ» [11, с. 80].

- Здравомыслящему исследователю, знакомому с археологией средневековых кочевников Южного Урала, невозможно будет понять, каким образом неверная дата погребений на Охлебининском городище, появившихся якобы в XIII–XIV вв. [15, с. 189], оказалась подкрепленной ссылкой на публикацию В.А. Иванова, в которой сам автор, на основании аналогий найденным в погребениях саблям, стрелам и удилам, датирует их домонгольским временем [12, с. 292–295]³.

Естественно, что при написании данного раздела Н.А. Мажитов не смог не упомянуть о сведениях ал-Омари и ибн-Халдуна о якобы существовавшем городе «Башкорт» и о «появлении» этого города на картах мира [15, с. 183]. Между тем, сведения эти можно получить, лишь превратно толкуя тексты источников. Так, ал-Омари пишет о пределах Улуса Джучи, причем, со слов, по-видимому, странствующего купца: «Почтенный Хасан Элирбили говорил, что, по рассказу

³ Мы не исключаем, что авторы раздела могли и пересмотреть датировку охлебининских погребений. Но тогда это нужно было где-то и как-то обосновать.

странствующего купца Бедреддина Хасана Эрруми, границы этого государства со стороны Джейхуна: Харезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман; потом за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются пределов земель Хатайских» [23, с. 106]. В этом списке «Башкырды и Чулыман» явно обозначают области, а не города. Список же городов и областей, приводимый Ибн-Халдуном, в основном, калькирует, правда, в сокращённом виде, список ал-Омари [23, с. 169]. Между тем, никому из исследователей и в голову не придет отрицать наличие поселений, даже укрепленных поселений, на территории средневекового Башкортостана. Эти поселения и городища хорошо известны археологам. Как писал тот же ибн-Халдун, «Оно [это государство] (т.е. Улус Джучи – *авт.*) бедно городами, но богато возделанными местами» [23, с. 378]. Единственное, чего не было в этих землях – городов такой значимости и такого масштаба, чтобы они были обозначены на картах мира, или городов, равнявшихся по значимости золотоордынским центрам Поволжья, Северного Кавказа, Крыма, Хорезма.

Так же, как и не было их в самой Монголии, о которой в самом начале рассматриваемого раздела безапелляционно и без ссылок на источники (это – ярко выраженный стиль Н.А. Мажитова) сказано: «Археологические исследования подтверждают, что к началу XIII в. в Монголии существовала сеть развитых городов, застроенных великолепными дворцами из кирпича, покрытых сверху облицовочным материалом» [15, с. 171]. Каких городов, кроме всем известного Каракорума – столицы Монгольской империи? На каких материалах и источниках сделано столь «эпохальное открытие», переворачивающее все представление о Монгольской державе? Ответа на эти вопросы в тексте Н.А. Мажитова и Г.Н. Гарустовича мы не найдем.

Что же касается реальных письменных источников – книги В. Рубрика и Марко Поло – то, добросовестно их в очередной раз «перелопатив», мы, в очередной раз, убедились в том, что до ближайших к столице Монгольской империи городов Китая, Индии или Средней Азии расстояние исчислялось не то что днями – месяцами пути!

Нельзя обойти вниманием и рассуждения авторов раздела по поводу исламизации Башкирии в период Золотой Орды. Конечно, ислам проникал на территорию Башкирии не только через Волжскую Булгарию, но и напрямую из Хорезма, поскольку через Башкирию пролегли прямые торговые пути (опять-таки из Хорезма в Волжскую Булгарию). Однако авторам очень хочется, видимо, чтобы эти торговые пути связывали, в качестве конечных пунктов, именно Хорезм и Башкортостан, потому что, в таком случае, обосновывается и существование развитой городской культуры, и объясняется «торговля башкир медными слитками», которая описана у ал-Идриси, и рисуется новый, прямой путь проникновения традиции строительства мавзолеев – из

Средней Азии напрямую в башкирскую лесостепь, минуя Волжскую Булгарию. Между тем, лишь только два мавзолея Южного Урала (из сохранившихся до наших дней) имеют среднеазиатский облик – это мавзолей Кесене или Башня Тамерлана в Варненском районе Челябинской области (XIV–XVI вв.), а также мавзолей Бэндэбикэ в Башкирии (датируется XV–XVI вв.). Каменные же мавзолеи центральных районов Башкортостана – мавзолей Тура-хана, мавзолей Хусейн-бека, а также недостроенный мавзолей Малый кешене – относятся к типу мавзолеев, пришедшему на территории Южного Приуралья из Малой Азии именно через территорию Волжской Булгарии. В них повторяются практически все основные архитектурные особенности надмогильных сооружений Волжской Булгарии.

Кроме того, совершенно очевидно, что авторам не удалось выработать единую позицию по поводу того, когда ислам проникает на территорию Башкортостана; можно ли считать этот процесс завершённым в золотоордынское время; и что собственно считать признаками исламизации населения, оставившего тот или иной могильник?

Существует два основных критерия, отличающих мусульманские захоронения, описанные в своё время Е.А. Халиковой: ориентировка покойного лицом на Мекку и отсутствие погребального инвентаря [25]. Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович допускают, что «...какая-то часть башкир ислам могла принять вместе с хазарами еще в 40-х годах VIII в., а в начале X в. – вместе с волжскими болгарями». По поводу второй части этого утверждения можно сказать – вполне возможно. Но вот первое их допущение выглядит весьма сомнительно. Вероятно, Н.А. Мажитов и Г.Н. Гарустович представляют Хазарию могучей и легко управляемой империей «от моря и до моря», в которой любое идеологически важное событие тут же принимается всем народом, и принятие ислама проигравшим войну хазарским каганом (само по себе довольно гипотетичное) должно было найти отклик в башкирских кочевьях. Проникновение же ислама в степь вместе с купцами-хорезмийцами было обусловлено возникновением на Средней Волге конечного пункта их торговых поездок – государства волжских болгар.

Тем не менее, следует признать, что ислам не получил широкого распространения в Башкирии до эпохи Золотой Орды и начала целенаправленной политики мусульманизации. Об этом говорят многочисленные захоронения, выполненные по языческому обряду, которые описываются в данном разделе. Авторы указывают, что именно в золотоордынское время резко сокращается число таких захоронений [15, с. 187, 189]. Авторы всячески стремятся продемонстрировать «массовый переход башкир к новой религии» в XIV веке [15, с. 189]. Между тем, в описываемое время и на описываемых могильниках авторам практически не удаётся найти «чистых» мусульманских захоронений. Практически на всех описываемых памятниках мы видим наличие разнообразного погребального инвентаря, нали-

чие следов поминальных обрядов. Как заключают сами авторы, «все это является типичным для памятников, отражающих переходное время от язычества к исламу. Он охватывал продолжительный период в 2–3 столетия» [15, с. 188]. Это является свидетельством господства кочевой культуры, связанной с длительным бытованием традиционных верований. Если провести сравнительный анализ городских некрополей оседлого населения Золотой Орды, взяв их в качестве реперных памятников, и могильников мусульманизированного населения Башкирии эпохи Золотой Орды, то мы получим картину значительного отставания в процессе исламизации Башкирии от Поволжского региона, что связано с неразвитостью городской цивилизации на южноуральской периферии Улуса Джучи.

Таким образом, обратившись к литературе последних лет, освещающей историю Золотой Орды, читатель обнаружит в ней три отчетливо выраженных линии. Первая: Золотая Орда – «степная Гардарика», страна городов [16]. Вторая: Золотая Орда – синкретическое государство со сложной этнокультурной и этноконфессиональной средой (что, в итоге, и привело к ее распаду – *авт.*) [7]. Третья: Золотая Орда – некая федерация, в составе которой, кроме обычных улусов, находилось и «Башкортское государство» во главе со своими ханами [15]. Первую точку зрения можно принять частично. Вторую – полностью. Что касается третьей, то ее, пользуясь современным молодежным сленгом, можно было бы определить как «прикол»! Можно было бы, если бы на издании, в котором она опубликована, не стоял гриф серьезного научного учреждения, подразделения РАН...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2006. 226 с.
2. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Учеб. Пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 268 с.
3. Володихин Д.М. Феномен фольк-хистори // Отечественная история. 2000. №4. С. 18–28.
4. Гарустович Г.Н. Завоевание Южного Урала монголами в XIII веке // Вестник Академии наук РБ. 2012. Т. 17, №1. С. 39–46.
5. Гарустович Г.Н. Монгольская экспансия начала XIII века в Волго-Уральском регионе // Вестник Академии наук РБ. 2011. Т. 16. №4. С. 55–62.
6. Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.
7. Зеленев Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. 328 с.
8. Зеленев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). Йошкар-Ола, 2009. 264 с.

9. *Зиливинская Э.Д.* Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. 172 с.
10. *Злыгостев В.А.* Тохтамыш. Уфа: ДизайнПресс, 2012. 472 с.
11. *Иванов В.А.* Погребения кыпчаков в бассейне р.Урал // Памятники кочевников Южного Урала: Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 75–97.
12. *Иванов В.А.* Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // Советская Археология. 1977. №1. С. 292–295.
13. *Иванов В.А.* Проблема формирования «имперской культуры» Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора для народов Урало-Поволжья // Поволжская археология. 2013. №2 (4). С. 179–188.
14. *Иванов В.А.* Химеры и миражи Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2014. №1 (3). С. 190–212.
15. История башкирского народа в семи томах. Т. II. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.
16. История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–XV в. Казань, 2009. 1051 с.
17. *Кульпин Э.С.* Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.
18. *Кучкин В.А.* Новооткрытая битва Тохтамыша Ивановича Донского (он же Дмитрий Туйходжаевич Московский) с Мамаем (Маминым сыном) на Московских Кулижках // Отечественная история. 2000. №4. С. 10–18.
19. *Миргалеев И.М.* О «Таварих-и-башкорт» или о том, как несуществующие рукописи попали в фундаментальные исследования // Золотоордынская цивилизация. 2014. №7. С. 324–331.
20. *Миргалеев И.М.* Хан Тохтамыш. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 40 с.
21. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. Лит., 2010. 351 с.
22. *Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
23. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. 448 с.
24. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., МГУ, 1973. 178 с.
25. *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
26. *Хусаинов Г.Б.* Шежере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере. (Филологические исследования и публикации): Сб. статей. Уфа: БФ АН СССР. 1985. С. 3–23.
27. *Шамси С.* Золотая Орда накануне распада: историческое повествование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 223 с.
28. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 427 с.
29. *Янин В.Л.* «Зияющие высоты» академика А.Т.Фоменко // Отечественная история. 2000. №4. С. 3–10.

Сведения об авторах:

Дмитрий Викторович Васильев – доцент, заведующий археологической лаборатории Астраханского государственного университета, кандидат исторических наук (414056, ул. Татищева, 20а, Астрахань, Российская Федерация); hvdv@mail.ru

Владимир Александрович Иванов – профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, доктор исторических наук (450000, ул. Октябрьской революции, 55а, Уфа, Российская Федерация); ivanov-sanych@inbox.ru

**METAMORPHOSIS OF THE GOLDEN HORDE HISTORY
IN THE 21ST CENTURY****D.V. Vasilyev***(Astrakhan State University)***V.A. Ivanov***(M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University)*

This article discusses three evaluation concepts of the place and role of the Golden Horde in the history of the peoples of Eastern Europe given in three basic researches in recent years: “History of the Tatars from the ancient times. T.III. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th–15th centuries”, Yu.A. Zeleneev’s monograph “Sketches of ethnic and cultural history of the Volga Region in the 13th–15th centuries” and “History of the Bashkir people in seven volumes. Volume II”. By comparing them with each other, the authors come to the conclusion that if the concept both of the authors of the 3rd volume of the “History of the Tartars” and of the Yu.A. Zeleneev’s monograph are constructive and provide opportunities for academic discussion, then the concept of the authors of the 2nd volume of the “History of the Bashkir people” does not go beyond of mere “folk history”.

Keywords: historiography, Golden Horde, ulus of Jochi, ethno-cultural history, Kipchaks, Islam, nomads.

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Etnicheskaya istoriya Volgo-Ural'skogo regiona v XIII–nachale XV vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [Ethnic History of the Volga-Ural region in the beginning of the 13th – 15th centuries (historical and archaeological research)]. Ufa, Center for Ethnological Studies, Ufa Research Center, Russian Academy of Sciences, 2006. 226 p.
2. Blokhin V.G., Yavorskaya L.V. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya* [Archaeology of the Golden Horde towns of the Lower Volga region]. Volgograd, Volgograd University Publ., 2006. 268 p.
3. Volodikhin D.M. Fenomen fol'k-khitori [The phenomenon of folk-history]. *Otechestvennaya istoria – Domestic history*, 2000, no. 4, pp. 18–28.

4. Garustovich G.N. Zavoevanie Yuzhnogo Urala mongolami v XIII veke [The conquest of the Southern Urals by the Mongols in the 13th century]. *Vestnik Akademii nauk RB – Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2012. Vol. 17, no. 1, pp. 39–46.

5. Garustovich G.N. Mongol'skaya ekspansiya nachala XIII veka v Volgo-Ural'skom regione [The Mongol expansion of the beginning of the 13th century in the Volga-Ural region]. *Vestnik Akademii nauk RB – Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 2011. Vol. 16, no. 4, pp. 55–62.

6. Garustovich G.N. *Sled velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga)* [A Trace of the Time of Troubles (Site of the 14th century near the village Brik-Alga)]. Ufa, Gilem Publ., 2012. 222 p.

7. Zelenev Yu.A. *Ocherki etnokul'turnoy istorii Povolzh'ya XIII–XV vv.* [Essays on ethnocultural history of the Volga region in the 13th–15th centuries]. Yoshkar-Ola, Mari University Publ., 2013. 328 p.

8. Zelenev Yu.A., Kurochkina S.A. *Zolotoordynskiy gorod Saray al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.)* [The Golden Horde city Saray al-Jadid (the results of archaeological research in Tsarevsky settlement in 1994–2000.)]. Yoshkar-Ola, 2009. 264 p.

9. Zilivinskaya E.D. *Usad'by zolotoordynskikh gorodov* [Manors of the Golden Horde towns]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet Publ., 2008. 172 p.

10. Zlygostev V.A. *Tokhtamysh* [Tokhtamysh]. Ufa, Dizayn Publ., 2012. 472 p.

11. Ivanov V.A. Pogrebeniya kypchakov v bassejne r.Ural [Kypchak burials in the Ural River basin]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the nomads of Southern Urals. Collected Articles]. Ufa, 1984, pp. 75–97.

12. Ivanov V.A. Pogrebeniya srednevekovykh kochevnikov na territorii Okhlebininskogo gorodishcha [Burials of medieval nomads in the territory of the settlement Okhlebinino]. *Sovetskaya arkheologiya – Soviet archaeology*, 1977, no. 1, pp. 292–295.

13. Ivanov V.A. Problema formirovaniya «imperskoy kul'tury» Zolotoy Ordy i ee roli kak arealoobrazuyushchego faktora dlya narodov Uralo-Povolzh'ya [The problem of formation of “imperial culture” of the Golden Horde and its role as a forming area factor for the peoples of the Ural-Volga region]. *Povolzhskaya arkheologiya – Volga Region Archaeology*, 2013, no. 2(4), pp. 179–188.

14. Ivanov V.A. Khimery i mirazhi Zolotoy Ordy [Chimeras and mirages of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*, 2014, no. 1(3), pp. 190–212.

15. *Istoriya bashkirskogo naroda v semi tomakh*. Vol. II [History of the Bashkir people in seven volumes]. Ufa, Gilem Publ., 2012. 416 p.

16. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen*. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–XV v. [History of the Tatars from the ancient times. Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th–15th centuries]. Kazan, 2009, 1051 p.

17. Kul'pin E.S. *Zolotaya Orda: Problemy genezisa Rossiyskogo gosudarstva* [The Golden Horde: Problems of the genesis of the Russian State]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 176 p.

18. Kuchkin V.A. *Novootkrytaya bitva Tokhtamysha Ivanovicha Donskogo (on zhe Dmitriy Tuykhodzhaevich Moskovskiy) s Mamaem (Maminym synom) na Moskovskikh Kulizhkakh* [Newfound battle of Tokhtamysh Ivanovich Donskoy (alias Dmitry Tui Hodzhaevich of Moscow) with Mamai (Mamin son) at the

Moscow Kulizhkah]. *Otechestvennaja istoriya – Domestic history*, 2000, no. 4, pp. 9–17.

19. Mirgaleev I.M. О «Tavarikh-i-bashkort» ili o tom, kak nesushchestvuyushchie rukopisi popali v fundamental'nye issledovaniya [About “Tavarikh-i-bashkort” or how a non-existent manuscripts got in fundamental research]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected Articles]. Kazan, 2014, no. 7.

20. Mirgaleev I.M. *Khan Toktamys* [Khan Toktamys]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2011. 40 p.

21. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga* [The Golden Horde towns of the Lower Volga region and their district]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 351 p.

22. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravyashchey elity Dzhuchiyeva Ulusa v XIII–XV vekakh* [Russian princes as a part of the ruling elite of the ulus of Jochi in the 13th–15th centuries]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe Publ., 2013. 472 p.

23. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Tom pervyy. Arabskie i persidskie sochineniya* [The Golden Horde in the sources. Volume One. Arabic and Persian writings]. Moscow, 2003. 448 p.

24. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 178 p.

25. Khalikova E.A. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII vv.* [Muslim necropolises of the Volga Bulgaria of the 10th – the beginning of the 13th centuries]. Kazan, Kazan State University Publ., 1986. 160 p.

26. Khusainov G.B. Shezhere kak istoriko-literaturnyy pamyatnik [Shezhere as historical and literary monument]. *Bashkirskie shezhere. (Filologicheskie issledovaniya i publikatsii)* [Bashkir shezheres. (Philological studies and publications. Collected Articles)]. Ufa, 1985, pp. 3–23.

27. Shamsi S. *Zolotaya Orda nakanune raspada: istoricheskoe povestvovanie* [The Golden Horde before its dissolution: historical narrative]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2008. 223 p.

28. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: the holidays, a time of penalties]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 427 p.

29. Yanin V.L. «Ziyayushchie vysoty» akademika A.T. Fomenko [“Yawning Heights” of an Academician A.T. Fomenko]. *Otechestvennaja istoriya – Domestic history*, 2000, no. 4, pp. 3–10.

About the authors:

Dmitry Viktorovich Vasilyev – Associate Professor, Head of the archaeological laboratory of Astrakhan State University, Cand. Sci. (History) (414056, Tatischeva st., 20a, Astrakhan, Russian Federation); hvdv@mail.ru

Vladimir Aleksandrovich Ivanov – Professor, Head of the Department of General History and Cultural Heritage, M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Dr. Sci. (History) (450000, Oktyabrskaya revolution st., 55a, Ufa, Russian Federation); ivanov-sanych@inbox.ru